



НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Лаборатория X

Кем был советский доктор, который испытывал яды на заключенных?



Фото: goodfon.ru

13:18, 2 июля 2026,

Ирина Тумакова*

спецкор «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ)
ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БОРУХОВИЧ
(ТУМАКОВОЙ) ИРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ.

В 1951 году за доктором Григорием Майрановским пришли его недавние кураторы из НКВД. Если не считать подготовки убийства Сталина и сионистского заговора, обвинили его в незаконном хранении ядов. Он действительно хранил яды, а еще исследовал их и использовал. Лаборатория, где он трудился на благо СССР полтора десятка лет, находилась в Москве, в здании бывшей аптеки в Варсонофьевском переулке, совсем рядом с Лубянской площадью. И доктор даже подумать не мог, что его ответственную работу, удостоенную медалей и отмеченную ученой степенью, однажды назовут незаконной. Как советский врач стал заслуженным отравителем СССР, разбираемся вместе Исмаилом Эфендиевым — главным токсикологом Баку.



Исмаил Эфендиев. Фото: sia.az

У энкавэдэшных начальников, бравших под арест Григория Майрановского, было специфическое чувство юмора: отбывать срок его отправили во Владимирскую тюрьму, где к тому времени сидел его коллега — Карл Клауберг, немецкий врач, во время Второй мировой войны проводивший опыты над заключенными в Освенциме. Правда, время от времени другие начальники, но из того же ведомства, забирали Майрановского из тюрьмы, но потом отвозили обратно.

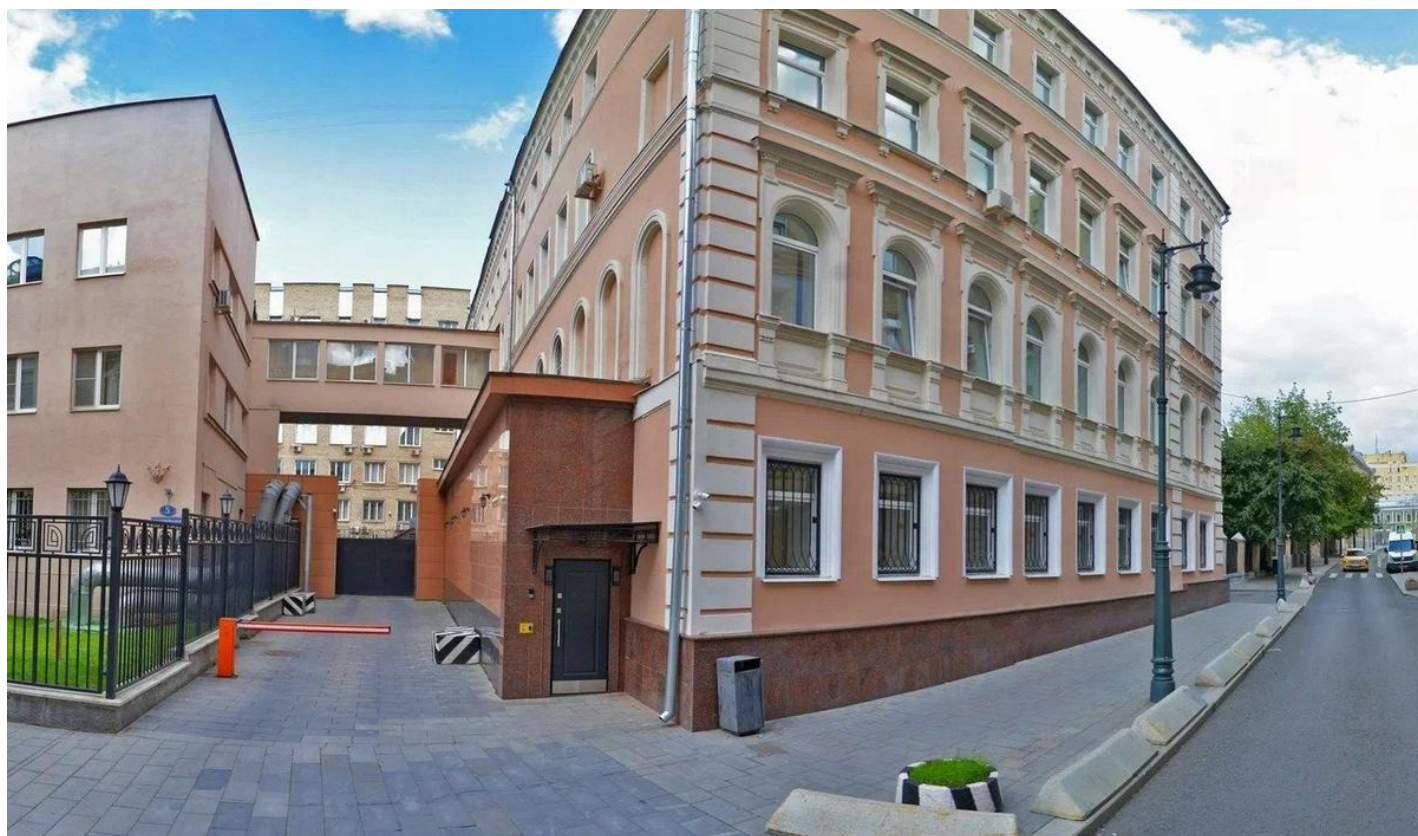
— Уже после приговора его несколько раз возили из тюрьмы на консультации, — замечает врач-токсиколог Исмаил Эфендиев. — Сидя за решеткой, доктор Майрановский продолжал консультировать новые кадры — тех, кто пришел ему на смену в токсикологической лаборатории при НКВД.

Спецкабинет

В обвинительном заключении по делу Лаврентия Берии был в числе прочих такой пункт: «Изыскивая способы совершения тайных убийств, преступники производили бесчеловечные опыты на живых людях, испытывая на них действие различных ядов. С этой целью Берией была создана специальная, строго засекреченная лаборатория, в которой жертвы экспериментов подвергались умерщвлению». На самом деле тут Лаврентия Палыча бессовестно оговорили: он, конечно, пользовался лабораторией доктора Майрановского, но не больше, чем предшественники. И уж точно не он ее создал.

Исследовать яды в Советской России начали почти сразу после полной победы пролетариата. Кругом были враги, и не всех можно было расстрелять с революционной прямоотой.

Первым руководителем исследований был врач-эндокринолог, специалист по омоложению организма, назначенный директором НИИ обмена веществ Наркомздрава, Игнатий Казаков. Присматривать за исследованиями взялся преемник Дзержинского во главе ОГПУ Вячеслав Менжинский. В скобках добавим: Менжинский умрет в 1934 году, а в 1938-м Казакова расстреляют за отравление Менжинского (и других) по приказу Ягоды, которого тоже расстреляют. В общем, все умрут. Потом лабораторию будут курировать Ежов, Меркулов, Абакумов, Кобулов, Берия — и все они, как известно, плохо кончат. Нехорошим местом было здание бывшей аптеки в Варсонофьевском переулке. Сейчас там поликлиника для сотрудников ФСБ.



Бывшая аптека в Варсонофьевском переулке. Именно здесь все и происходило. Фото: Яндекс

— История токсикологической лаборатории в Москве началась, вы удивитесь, с покушения Фанни Каплан на Ленина в 1918 году, — рассказывает Исмаил Эфендиев. — Была такая неподтвержденная версия, будто Каплан стреляла отравленными пулями, якобы пули были смазаны рицином. В 1921 году по распоряжению Ленина был создан токсикологический кабинет — «специальный кабинет», курировал его работу Вячеслав Менжинский. Когда Ленин уже тяжело болел, он несколько раз просил Менжинского дать ему яд, чтобы прекратить страдания. После смерти вождя «кабинет» начали использовать с криминальными целями на полную мощность. Именно там под руководством доктора Майрановского проводили страшные эксперименты с ядами, испытывая их на заключенных.

Доктор наук

Григорий Майрановский родился в Батуми Кутаисской губернии в 1899 году. В 18 лет поступил на медицинский

факультет Тифлисского университета.

— Он был, видимо, человеком очень талантливым, — говорит Исмаил Эфендиев. — Но в университете увлекся революционными идеями и примкнул к еврейской партии «Бунд». Потом у него случились какие-то неприятности в университете, но в 1919-м медицинский факультет был создан в Баку, тогда еще — в Азербайджанской Демократической Республике, и Майрановский переехал сюда. В Баку он проучился около трех лет. В 1920-м советская власть установилась в Азербайджане, и спустя два года Майрановский перебрался в Москву.



Григорий Майрановский. Фото: Википедия

В столицу Советской России он приехал все еще как студент, перевелся во Второй медицинский. Видимо, считает Исмаил Эфендиев, помогли революционное прошлое и своевременный

переход из «Бунда» в партию большевиков. По окончании института Майрановскому предложили место на кафедре, попутно он подрабатывал во Всесоюзном институте биохимии.

— Никакого отношения к специфическим отравлениям этот институт не имел, — уточняет Исмаил Эфендиев. — Это было фундаментальное научное учреждение, где исследовались новые лекарства. Целенаправленно отравлениями не занимался.

Майрановскому не было тридцати, когда он возглавил отделение токсикологии в Центральном санитарно-химическом институте Наркомздрава СССР. При этом, замечает Исмаил Эфендиев, токсикология не могла быть его специальностью по диплому.

— Тогда медицинская токсикология в стране только начиналась, наша профессия появилась достаточно поздно, — объясняет доктор. — Но в санитарно-химическом институте была лаборатория, занимавшаяся экспериментальной токсикологией, ее Майрановский и возглавил. И я хочу подчеркнуть:

токсиколог — это не тот, кто убивает. Это врач, который изучает действие ядов и лечение отравлений. Любое вещество, те же мышьяк, колхицин или кураре, в определенных дозах может быть лекарством.

Тем временем при Всесоюзном институте биохимии формально числился тот самый спецкабинет. В 1937 году, когда был арестован Игнатий Казаков, лабораторию официально передали в ведение НКВД. И возглавил ее Григорий

Майрановский, к тому времени уже видный токсиколог.

Официально сферой исследований Майрановского было влияние токсичных газов и ядов на злокачественные опухоли. В 1940 году он попытался защитить докторскую о воздействии иприта на кожу, но ВАК сочла диссертацию недоработанной. Что-то в его работе об иприте не понравилось коллегам-ученым.

— Иприт, или горчичный газ, о котором шла речь в его работе, уже тогда не был новым веществом, он применялся к тому времени достаточно давно, причем именно как химическое оружие, — ищет Исмаил Эфендиев объяснение такому решению ВАК. — Действие иприта было хорошо известно с Первой мировой войны. Видимо, данные, которые открыто представил при защите Майрановский, не были новыми. На самом деле его исследование было связано не столько с лечебным действием иприта, сколько с задачей убить человека. Но сказать об этом открыто при защите он, конечно, не мог. Майрановский предлагал будто бы методы терапии, но, видимо, это не убедило его коллег.

Одним из вопросов, которые Майрановский не смог прояснить перед коллегами, по словам Исмаила Эфендиева, была экспериментальная часть:

а как, собственно, соискатель докторской степени проверял данные? На ком экспериментировал?

— Первая мировая война к этому времени давно закончилась, — напоминает Исмаил Эфендиев. — Где еще токсиколог мог наблюдать применение иприта? Легальным, открытым способом он не мог получить данные.

Позже докторскую степень Майрановскому все-таки присвоили. Причем даже без процедуры защиты и других ненужных формальностей.

— Об этом ходатайствовал нарком госбезопасности Всеволод Меркулов, — добавляет Исмаил Эфендиев. — Сделали это с формулировкой «по совокупности проведенных работ». Сам Майрановский к тому времени уже был полковником НКВД.

Экспериментатор

— Лаборатория занималась разработкой ядов для политических внесудебных убийств, — говорит Исмаил Эфендиев. — И сначала надо было провести эксперименты на людях. Если, например, у НКВД был «клиент» определенного возраста, пола, веса, оттуда отправляли в лабораторию запрос: проверить яд, допустим, на мужчине 40 лет, весом 80 килограммов, шатен. Испытывали и разные яды, и разные способы их применения: с инъекцией, через кожу, при вдыхании, с пищей и водой, с отравленными пулями. Разрабатывали средства для введения яда. Вы смотрели фильм «Укол зонтиком»? Конечно, это комедия, но основана она на реальном событии. Зонтик был заряжен капсулой с рицином, так убили болгарского диссидента Георгия Маркова. Это произошло в 1978 году, но отравление рицином с помощью зонта исследовала в 1930-х годах лаборатория Майрановского.

Базой для научных исследований Майрановского и его подчиненных в спецлаборатории были советские тюрьмы. Они давали богатейший материал.

— В лаборатории проводились очень жестокие опыты на заключенных, — продолжает Исмаил Эфендиев. — Было еще и бактериологическое отделение, но применительно к Майрановскому мы говорим о химическом. В здании оборудовали несколько «палат», фактически — камер. Туда

доставляли людей, как правило, приговоренных к смертной казни. Могли привезти человека из Лубянской тюрьмы под предлогом лечения или обследования. Врач осматривал «пациента», расспрашивал о жалобах, сочувствовал. Потом говорил: сейчас мы дадим тебе лекарство, не волнуйся. Потом через специальный глазок в двери «палаты» наблюдали, что происходит с заключенным.

Хорошим результатом, по словам доктора Эфендиева, считалось, если человек умирал меньше чем за час.

— Но люди могли умирать в мучениях и несколько часов, а могли несколько суток, — говорит токсиколог. — Если «пациент» не умирал в течение трех суток, его убивали «традиционным» способом — расстреливали. Обратно на Лубянку не возвращали, никто из этих «палат» не выходил.

Кто-то, наверное, захочет спросить: к чему такие сложности? Ну чем ОГПУ-НКВД-КГБ не устраивал старый добрый цианистый калий? Или, скажем, иприт, изученный на фронтах Первой мировой без всякого доктора Майрановского?

— В те годы не было такой химической промышленности, чтобы синтезировать сложные яды, как это делается сейчас, — отвечает Исмаил Эфендиев. — Использовались яды природного происхождения — соли тяжелых металлов, мышьяк, таллий и тому подобное. Тот же иприт — соединение без вкуса и запаха, убивающее человека очень быстро. Но при вскрытии его разрушающее действие легко обнаружить. То же самое — с цианистым калием. У меня была пациентка, которую травили

таллием, нам удалось ее спасти, но у нее за это время выпали все волосы. А у лаборатории Майрановского была вполне конкретная цель: разработать яд, который убивает быстро, не оставляет следов и дает картину смерти по естественным причинам.

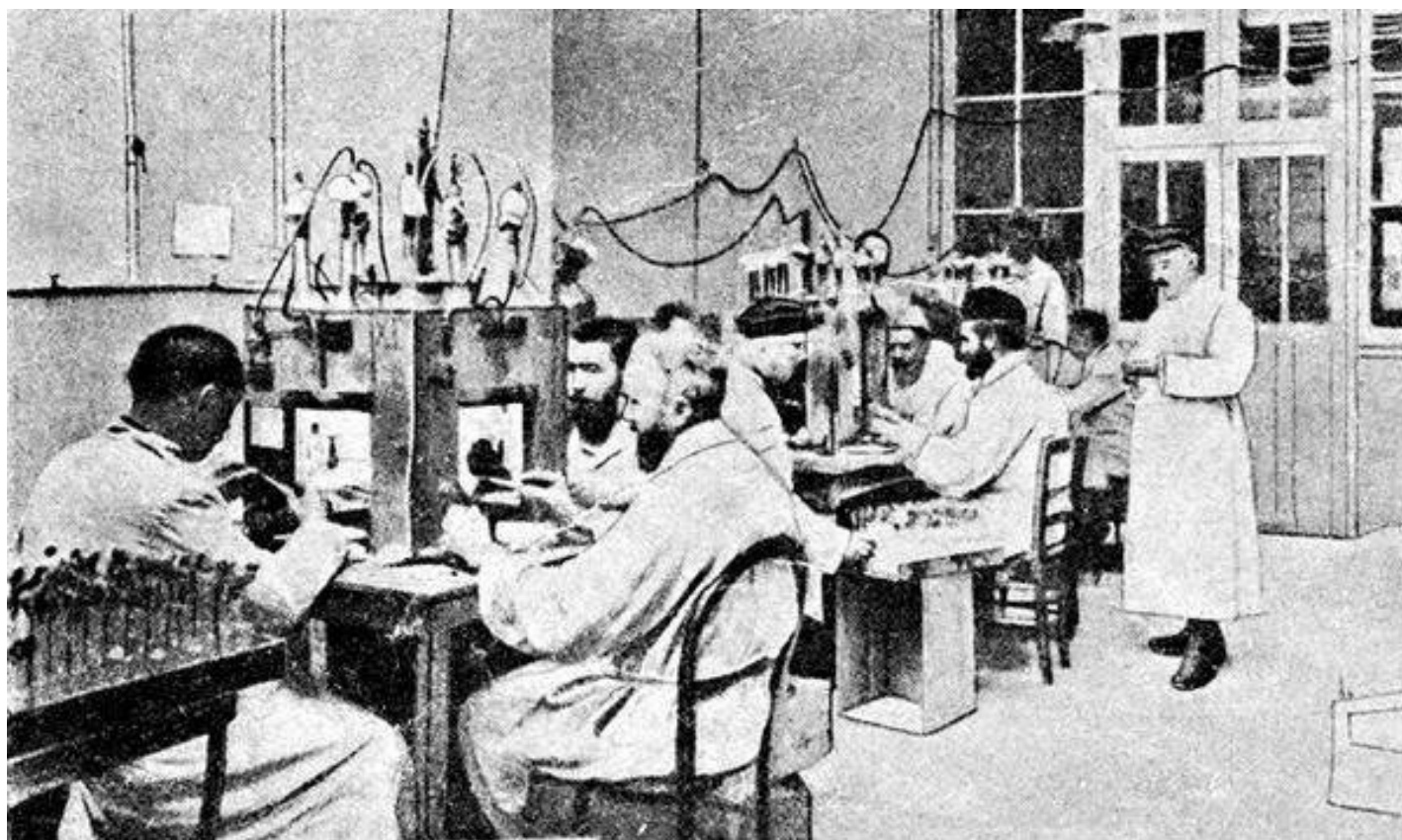


Фото: Википедия

В поисках «идеального» яда Майрановский исходил из принципа Парацельса: «Всё есть яд, и всё есть лекарство, то и другое определяет доза». Только наш доктор-полковник мыслил наоборот: что может быть лекарством, то надо бы проверить как яд. Скажем, наперстянка, лекарство против сердечной недостаточности и аритмии, в большой дозе меняет функцию. А клещевины, которую ученые пробовали применять против рака, достаточно и малой дозы, чтобы убить.

Экспериментируя на людях, Майрановский пришел к яду, который подходил его кураторам

по степени жестокости: от него не просто умирали, а умирали мучительно.

— Есть такое растение — борец, или аконит, — рассказывает Исмаил Эфендиев. — В нем содержится очень токсичный алкалоид — аконитин. У заключенного, которому дали аконит, начинались тяжелейшее потоотделение, тошнота, диарея, рвота, судороги. Это могло продолжаться несколько часов, потом наступала остановка дыхания. Аконит стал одним из их «любимых» ядов. Изготавливали специальные пули, наполненные аконитом, стреляли человеку в нелетальные части тела, условно — в ногу или руку, а потом наблюдали, как он умирает. Это страшная смерть. А тех, кто на третьи сутки еще не умирал, добивали пулей в затылок.

Продолжая свои опыты, Майрановский нашел то, что искал: яд, убивающий быстро и бесследно.

— Это вещество карбиламинхолинхлорид, его называли К2, — продолжает Исмаил Эфендиев. — При вскрытии человека, умершего от К2, картина была похожа на сердечный приступ. Сейчас, конечно, такое вещество уже обнаружат, но тогда это был новый препарат.

Испытывал доктор и такие вещества, которые не убьют сразу, а сначала, наоборот, сделают из человека суперсолдата.

— Немцам во время Второй мировой войны известен был панцер-шоколад, — рассказывает Исмаил Эфендиев. — Его давали солдатам, и те могли не спать сутками, не чувствовали ни голода, ни усталости. Информация об этом была у Смерша, и мимо лаборатории Майрановского это пройти не могло. В Советском Союзе разрабатывали препараты с очень схожим действием.

А с мирным средством от морской болезни, наоборот, первенство было за Майрановским: именно в его лаборатории врачи первыми научились использовать скополамин в качестве «сыворотки правды».

— Такие вещества, ослабляющие контроль корки над подкоркой, потом использовали и в немецких концлагерях, и в ФБР, — замечает Исмаил Эфендиев. — Находясь под действием этих препаратов, человек не в состоянии ответить неправду.

Практик

Как считает Исмаил Эфендиев, картина естественной смерти, которой добивался доктор Майрановский, нужна была не для простых советских граждан — с ними как раз не очень церемонились.

— У Советского Союза были враги и внутренние, и внешние, — напоминает Исмаил Эфендиев. — Считается, что изначально в лаборатории разрабатывали метод отравления Льва Троцкого. Потом с ним справились, как известно, другим способом, но одним из вариантов был яд. В большинстве случаев яды нужны были для убийств людей за границей или иностранцев, которых нельзя было выпускать из СССР. Павел Судоплатов в мемуарах утверждал, что именно Майрановского использовали для убийства Рауля Валленберга. Такие вещи становились известны только отрывочно из чьих-то воспоминаний, а иногда — если исполнитель сумел бежать на Запад и уже там предстал перед судом. Так было в случае с Богданом Сташинским, убившим Степана Бандеру.



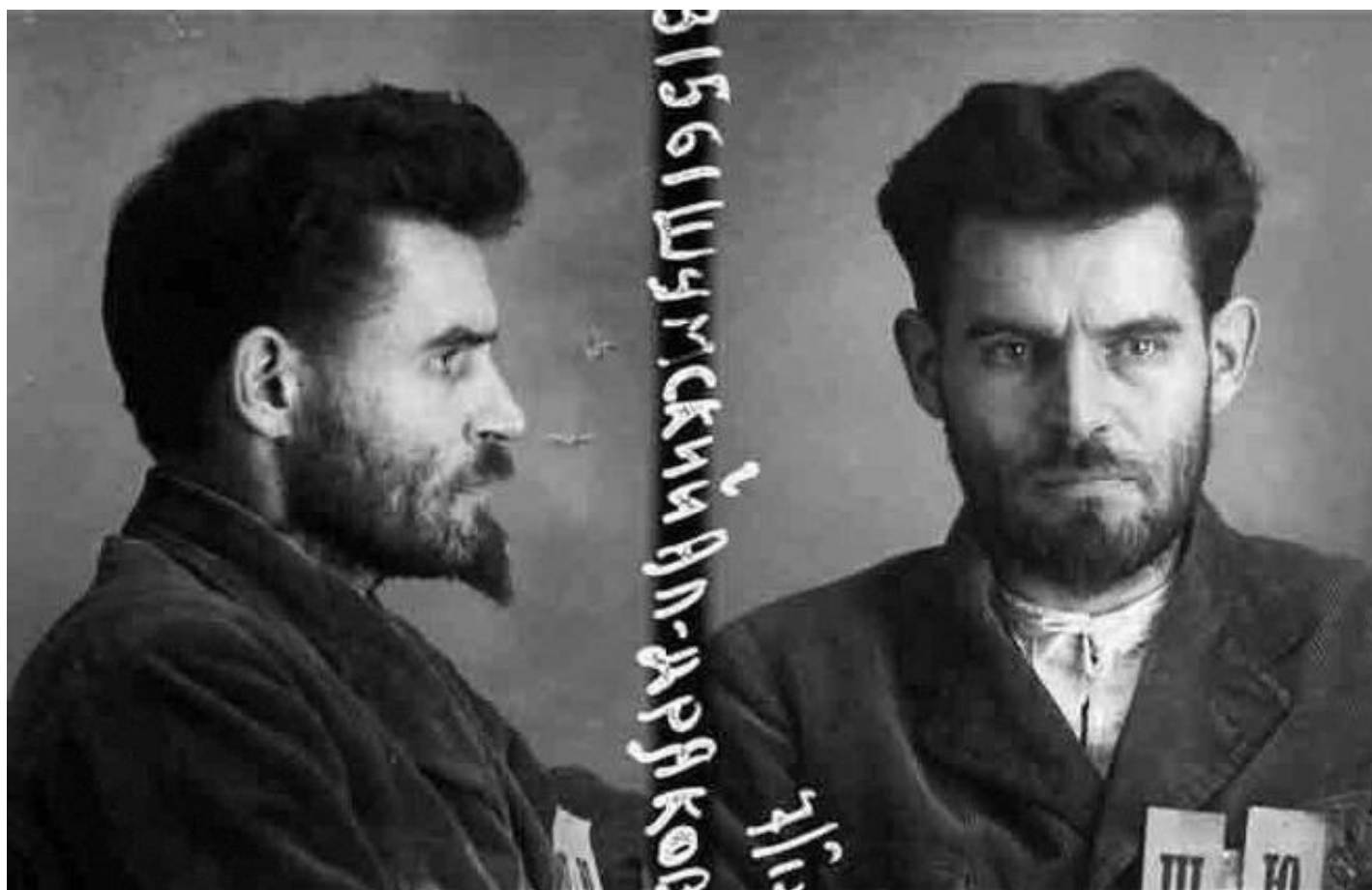
Рауль Валленберг. Фото: Википедия

Много и с удовольствием рассказывал о своей научной деятельности сам доктор Майрановский во время допросов. Сначала он давал показания в суде по своему делу, потом — во время процессов над Судоплатовым и Берией. Из этих источников просочилось немного. Например, известно, что ядом из лаборатории Майрановского советские партизаны будто бы пытались отравить рейхскомиссара Украины Эриха Коха, покушение сорвалось, но доктора наградили медалью «Партизану Отечественной войны».

— Некоторые приговоры Майрановский приводил в исполнение сам, в других случаях передавал ампулу с ядом исполнителю, — отмечает Исмаил Эфендиев. — Об этом тоже известно из воспоминаний Судоплатова.

В 1946 году Александр Шумский, сосланный в Красноярск за

принадлежность к украинской националистической организации, внезапно умер в больнице Саратова от сердечной недостаточности.



Александр Шумский. Фото: Википедия

Именно в это время сначала в Красноярск, а потом в Саратов приезжали Судоплатов и Майрановский. Тогда же, в 1946-м, в Ульяновске погиб польский инженер Наум Самет, работавший на советском оборонном заводе. Официально — при аварии. Его задержали сотрудники МГБ якобы для проверки документов, усадили в милицейскую машину, и там Майрановский вколол ему яд кураре. Потом тело Самета, по которому проехал неизвестный грузовик, нашли на обочине дороги. В 1947 году в Ужгороде украинский епископ Теодор Ромжа пострадал в автомобильной аварии, но выжил. А потом вдруг умер в больнице в Мукачеве.



Теодор Ромжа. Фото: архив

По воспоминаниям Судоплатова, ампулу с ядом кураре передал медсестре доктор Майрановский. В том же 1947 году американца и агента НКВД Сая Оггинса, арестованного как американского агента, привезли к Майрановскому под предлогом медицинского обследования. На приеме у доктора Оггинс погиб от смертельной инъекции.

Среди чужих

В силу должностных обязанностей Майрановский и его подчиненные целыми днями наблюдали за тем, как мучаются те, кого они убивали своими руками.

— Все, кто работал в этой лаборатории, имели медицинское образование, это были врачи, — подчеркивает Исмаил Эфендиев. — Большинство из них закончили свои дни с

психическими расстройствами, одни спивались, кто-то покончил жизнь самоубийством. У самого Майрановского оказалась довольно крепкая психика, хотя и он сильно пил.

Арест был для Майрановского полной неожиданностью. Ему вменяли хранение ядов и отравления людей, а он никак не мог понять, почему это теперь преступление.

— Под следствием и в тюрьме он активно боролся против обвинений, — рассказывает Исмаил Эфендиев. — И у него вообще-то были аргументы: он не сам по себе занимался этим, он исполнял приказ высочайшей инстанции. И судили его не в обычном порядке, а Особым совещанием, не было открытого процесса. Нельзя было допустить, чтобы он публично говорил о том, кто и какие указания ему давал. И в 1953 году его не амнистировали, и в 1956-м не реабилитировали. Он же участвовал, например, в ликвидациих украинских националистов, а кто в то время был первым секретарем украинского ЦК? Никита Хрущев.

После освобождения Майрановскому запрещено было жить в Москве и Ленинграде. Он устроился на работу в Махачкале, но прожил там недолго. Умер совсем нестарым человеком, в 65 лет. У него внезапно остановилось сердце. Точно так же, как у тех, с кем он «работал».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Этот материал вышел в двадцатом номере «Новая газета.

Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Минюстом РФ внесена в реестр «иноагентов».